

Лиляна Байич

**Повесть Гоголя «Шинель»
и маленький человек
в русской литературе
XIX века**

Время показало, что такое сложное произведение, как повесть «Шинель», открывает возможности для различных интерпретаций. Те интерпретации, которые вновь обращаются к этому произведению, или ставят под вопрос догму критиков о Гоголе как реалисте, как правило, связывают с писателем понятия критического реализма, гротескного реализма, фантастического реализма, анти-реализма, символизма, и даже искусства зла [Perišić, 2013: 39–40]. Русские символисты, как и некоторые западноевропейские критики, восприняли Гоголя как предтечу европейского модерна, декаданса, Кафки. Например, Б. М. Эйхенбаум [1969] повесть «Шинель» рассматривал не как рассказ о трагической судьбе маленького человека в негуманном бюрократическом обществе, а как пародийную языковую игру, гротеск, в которой её прочтение как трагической истории, пронизанной гуманностью, оборачивается заменой псевдосентиментального тона на каламбур, где языковые элементы превращаются в гротескные жесты. Творчество Гоголя и сегодня представляет собой вызов для различных прочтений, обнаруживающих в нём творческий синтез многих элементов: реалистических (в плане тематики, персонажей), сатирических и креатуральных (которые реализуются переводением явлений жизни в материально-телесную область и их снижением до низкого и ничтожного), гротескных и фантастических элементов (которые раскрываются как через комическое и смешное, так и посредством необычных сюжетов и странных явлений, в повестях «Нос», «Шинель», «Записки сумасшедшего»).

Критическое отношение к социальным проблемам и понимание маленького человека традиционны для русской классической литературы. Многие русские авторы создавали образы маленького человека, оказав влияние на становление жанра рассказа о них. Судьбы невольников, крах человека, которому

несчастливые обстоятельства стеснили душу, довели до нищеты, столкнули его на дно жизни или ещё глубже, до смертельного исхода, интересовали Пушкина, Гоголя, Достоевского. Типичен образ Самсона Вырина («Станционный смотритель» в «Повестях Белкина», 1830), в котором Пушкин впервые целостно и жизненно убедительно представил несчастное человеческое существо и трагедию такого героя. В романтически-реалистическом рассказе о судьбе бедного чиновника, станционного смотрителя, Пушкин раскрыл тему «<...> сущего мученика четырнадцатого класса, ограждённого своим чином токмо от побоев, и то не всегда <...>»¹, ему нет покоя ни днём, ни ночью, он во всём виноват, и ему постоянно угрожают. Опираясь на обычное негативное представление о станционных смотрителях, рассказчик посредством совершенно иной, новой картины о горькой жизни и личной драме Вырина призывает читателя к сочувствию герою, к искреннему участию из-за постигшего его несчастья. Завязка сюжета основана на любовной связи дочери Вырина Дуни и гусарского офицера Минского и якобы на похищении соблазнённой девушки. Любовная интрига и развязка представлены в контрасте с библейской фабулой о блудном сыне, литографии которой украшают бедное жилище героя. Потому что вместо возвращения заблудшей овечки к отцу и морально-дидактического поучения аллегорического рассказа в претексте, в повести о Вырине герой не получает награды, а, напротив, его страдания усугубляются новыми оскорблениями, потерей дочери, и в конце концов смертью. Так повесть о станционном смотрителе, с одной стороны, и библейская история, с другой стороны, расходятся, потому что в современном мире бесчувственности христианская притча уже не может считаться серьёзным и достоверным содержанием.

В сороковые годы XIX века Белинский провозгласил Гоголя певцом реальной жизни и вместе с Пушкиным поставил его во главе русской литературы. Одним из важнейших произведений, обеспечивших Гоголю такой статус, была повесть «Шинель» (1842). В сложной жизни Петербурга Гоголь увидел феномены большого города, к которым он отнёсся как культурологическим и философско-эстетическим проблемам. В процессе их художественного анализа он выработал самобытные литературные приёмы и свою собственную, «гоголевскую» поэтику. В повести «Шинель» Гоголь разработал тему маленького человека, мелкого чиновника, которая здесь получила одно из своих типологических и поэтических воплощений. Особый подход к теме отражён в характере героя и в фабульно-сюжетных элементах повести: в развязке, состоящей в том, что у героя отнимают шинель, и в фантастической интриге – жизни героя после смерти. Интерпретируя поэтику Гоголя, Ю. В. Манн [1988: 390] видит в ней элемент, который называет логикой противоположностей. Как правило, обнаруживается, что недостойные счастливее достойных, но никто из героев Гоголя не может овладеть преимуществом последней (конечной) истины. В контексте так созданного писателем художественного мира социально детерминированная история о герое повести «Шинель» тематизирует не только судьбу униженного маленького человека, но и забытого существа, которое самой своей природой отчуждено и помещено на одну сторону этого барьера. В разработке темы и характеров героев Гоголь в качестве новации использовал в поэтике бинарные оппозиции понятий высокого и низкого, возвышенного и прозаического. Это дало возможность в отвер-

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 8. Кн. 1. М.; Л., 1948. С. 97.

женном существе невзрачной и смешной внешности показать то, что необычно или не прозаично:

Вряд ли где можно было найти человека, который так жил бы в своей должности. Мало сказать: он служил ревностно, – нет, он служил с любовью. Там, в этом переписыванье, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир. Наслаждение выражалось на лице его; некоторые буквы у него были фавориты, до которых если он добирался, то был сам не свой: и подсмеивался, и подмигивал, и помогал губами, так что в лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его [III: 144].

С таким необычайно сильным чувством преданности Акакий Акакиевич стремится обрести и шинель – цель своей убогой и холодной жизни.

Контрастную картину героя представляет его описание:

Он не думал вовсе о своём платье: вицмундир у него был не зелёный, а какого-то рыжеватого-мучного цвета. Воротничок на нём был узенький, низенький, так что шея его, несмотря на то что не была длинна, выходя из воротника, казалась необыкновенно длиною, как у тех гипсовых котёнков, болтающих головами, которых носят на головах целыми десятками русские иностранцы. И всегда что-нибудь да прилипало к его вицмундиру: или сенца кусочек, или какая-нибудь ниточка; к тому же он имел особенное искусство, ходя по улице, поспевать под окно именно в то самое время, когда из него выбрасывали всякую дрянь, и оттого вечно уносил на своей шляпе арбузные и дынные корки и тому подобный вздор [III: 145].

Соединяя повседневное и приземлённое (жизнь, которая сводится к простым, прозаическим и материализованным явлениям) с романтическим и возвышенным (любовь и страсть, исключительная сущность которых не подвергается сомнению), Гоголь добивался сильных художественных эффектов.

Во второй части «Шинели» главный мотив, смерть героя, даёт возможность завершить повесть неожиданным фантастическим финалом. Потому что смерть не прерывает жизнь. События развиваются своим порядком, а в печальной истории Акакия Акакиевича появляется новая тема, необычный предмет фантастического характера – жизнь после смерти. И здесь отношение к смерти представляет собой новую особенность этого произведения:

И Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто бы в нём его и никогда не было. Исчезло и скрылось существо, никем не защищённое, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя внимания и естествонаблюдателя, не пропускающего посадить на булавку обыкновенную муху и рассмотреть её в микроскоп <...> [III: 169].

В данном фрагменте приводятся детали, которые наводят на мысль о полном отсутствии сочувствия и сопереживания. Шкала ценностей, где герой находится ниже обычной мухи, и механистическое отношение к смерти, на которую обращают внимание ровно настолько, насколько необходимо в канцелярии заменить одного человека другим, приписывается бюрократическому мышлению. В более широком, философском плане рассказ, в котором эхом отдаются слова: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» и напоминание: «Я брат твой», связан с поиском ответа на ключевые вопросы бытия: почему он умер, или для чего он жил.

«Станционный смотритель» Пушкина и «Шинель» Гоголя открывают неизведанные возможности темы маленького человека, которая позже будет рас-

крыта другими писателями, прежде всего Достоевским. Достоевский развивал эту тему, начиная с первого эпистолярного романа «Бедные люди», затем в «Униженных и оскорблённых», а также в «Преступлении и наказании» как наиболее важных произведениях. Момент зарождения первого литературного замысла «Бедных людей» он описал в фельетоне «Петербургские сновидения» («Время», 1861 год):

И стал я разглядывать и вдруг увидел какие-то странные лица. Всё это были странные, чудные фигуры, вполне прозаические, *вовсе не Дон Карлосы и Позы*, а вполне титулярные советники и в то же время как будто какие-то фантастические титулярные советники. Кто-то гримасничал передо мною, спрятавшись за всю эту фантастическую толпу, и передёргивал какие-то нитки, пружинки, и куколки эти двигались, а он хохотал и всё хохотал! И замерещилась мне тогда другая история, в каких-то тёмных углах, какое-то титулярное сердце, честное и чистое, нравственное и преданное начальству, а вместе с ним какая-то девочка, оскорблённая и грустная, и глубоко разорвала мне сердце вся их история. И если б собрать всю ту толпу, которая тогда мне приснилась, то вышел бы славный маскарад <...> [Цит. по: Бахтин, 1967: 231].

В тексте приводятся координаты мира, который только будет создан: 1. Карнавальное видение жизни, обязательные реквизиты которого смех и трагедия, игра (паяц, шатёр) и маски; 2. Художественное пространство и социальная среда (городское пространство, Петербург с его резкими социальными контрастами и кварталами бедноты. Фонтанка, «по которой тоскливо прогуливаться», как пишет герой «Бедных людей» Макар Девушкин); 3. Литературный тип героя (чиновник, титулярный советник Девушкин, высоконравственный и преданный начальству, порядочный и сердечный; соблазнённая девушка, «оскорблённая и печальная»); 4. Основная сюжетная линия (любовная интрига).

Бахтин, анализируя поэтику Достоевского, подчёркивал его основополагающую особенность в интерпретации литературного героя. По мнению Бахтина, литературный герой не интересует Достоевского как некое явление, наделённое определёнными социально-типологическими и индивидуальными характеристическими свойствами, а «<...> как смысловая и оценивающая позиция человека по отношению к себе самому и по отношению к окружающей действительности» [Бахтин, 1967: 102]. Бахтин считает, что Достоевский совершил «в небольших масштабах нечто подобное перевороту Коперника». В «Бедных людях» писатель, как подчёркивается, «...впервые попытался показать, ещё неполно и нечётко, что-то внутреннее, незавершённое в человеке», что другие авторы рассказов о бедном чиновнике не могли показать, занимая свою монологическую позицию [Там же: 115]. В соответствии с этой интерпретацией только полифонический роман Достоевского становится мощным гносеологическим инструментом, при помощи которого автор проникает в непредметную сферу человеческого существа, погружаясь в самосознание. Поскольку для Достоевского прежде всего важно выяснить, чем для его героя является мир, а чем он является сам для себя, эта особенность в интерпретации героев требует иной художественной индивидуализации, при которой элементы, из которых создаётся персонаж, категориально отличаются от общепринятых. Если у Достоевского художественное видение состоит не в реальности героя, а в его представлениях об этой реальности, то все фиксированные черты героя, оставаясь содержательно теми же, приобретают иное художественное значение. Для темы данной ра-

боты важен факт, что как писатель Достоевский уже в «Бедных людях» возвещает о радикально новой позиции по отношению к герою, маленькому человеку, униженному чиновнику, а в этом смысле и по отношению к существующему типу людей, то есть по отношению к жанру о несчастных/бедных людях и известной идее бытия, к которой он обращён. Поэтому посредством афоризма «все мы вышли из гоголевской шинели» в критической литературе подчёркивается и полемическая позиция Достоевского по отношению к модели мира и героя в произведении Гоголя [Бабовић, 2007: 29].

Несомненно, что в русской литературе XIX века тема несчастных людей была разработана великими писателями – Пушкиным, Гоголем и Достоевским. Разработка этой темы вела к формированию жанра истории о маленьком человеке и одновременно его полемическому пересмотру. Некоторые элементы истории, прежде всего литературный тип героя, маленького человека, чиновника, стабильны. Другие, элементы фабулы и сюжета, изменчивы. Это мотивы похищения (инсценированное похищение у Пушкина, но и хищение шинели в интриге повести Гоголя), мотивы смерти («Станционный смотритель», «Шинель»), жизнь после смерти («Шинель») и возвращение соблазнённой девушки к соблазнителю («Бедные люди»). Среди повествовательных средств отмечаются различные приёмы: от синтеза реалистических и романтических элементов в «Станционном смотрителе» Пушкина до поэтической и эстетической оппозиции высокого и низкого, возвышенного и прозаического (карикатурного) в предмете рассказа, пронизанного фантастикой в гоголевском «Ревизоре», вплоть до картины мира, сформированной посредством мучительного самосознания героев в сентиментальной интриге «Бедных людей» Достоевского.

Литература

- Бабовић М. Достојавски. Београд, 2007.
 Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Београд, 1967.
 Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. М., 1988.
 Эйхенаум Б. Как сделана «Шинель» Гоголя // Эйхенаум Б. О прозе: Сб. ст. Л., 1969. С. 306–326.
 Perišić I. Utopija smeha. Beograd, 2013.